

И. Е. Зеленин

СТАЛИНСКАЯ «РЕВОЛЮЦИЯ СВЕРХУ» В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ПУБЛИКАЦИЙ ДОКУМЕНТОВ

«Сплошная коллективизация», или, по весьма точному определению Сталина, «революция сверху», была произведена по инициативе государственной власти. Правда, вторая часть этого определения была далека от действительности, ибо в ней утверждалось, что это происходит «при прямой поддержке снизу со стороны миллионных масс крестьян, борющихся против кулацкой кабалы за свободную колхозную жизнь». Впрочем, С.П. Трапезников, «маститый» историк-аграрник, возглавлявший при Л.И. Брежневе отдел науки ЦК КПСС, критиковал и первую часть сталинского определения, поскольку инициаторами коллективизации, по его мнению, были «сами крестьяне», а партия лишь «поддержала и порыв» и «помогла в осуществлении коренной реконструкции сельского хозяйства»¹. Однако вряд ли можно упрекать Сталина в недооценке «порыва крестьян» к коллективизации задолго до того, как были созданы для этого серьезные предпосылки.

Более того, генсек явно недооценивал стремление крестьян-единоличников к массовому вступлению в колхозы, когда в ноябре 1929 г. в статье, опубликованной в «Правде», объявил, что в деревне произошел «великий перелом»: «...в колхозы идут крестьяне не отдельными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами. ... В колхозы пошел середняк»². А если предположить, что так это и было в действительности, то следовало бы ожидать, что вскоре после «великого перелома» (во всяком случае, к концу первой пятилетки) «революция сверху» должна была завершиться. Из этого исходил и Сталин в докладе об итогах первой пятилетки на январском пленуме 1933 г., опираясь на явно завышенные данные (не учитывались выходы из колхозов), заявив, что «свыше 60% крестьянских хозяйств с охватом свыше 70% всех крестьянских площадей вступили в колхозы», «что означает перевыполнение пятилетки в три раза»; «...кулачество как класс разгромлено, хотя и не добито»; «СССР уже преобразован из страны мелкотоварного хозяйства в страну самого круп-

ного сельского хозяйства в мире». А поэтому *«имеется возможность»* (курсив наш. — И. З.) вместо 500–600 млн пудов товарного зерна, которое заготавливалось в доколхозный период, заготавливать 1200–1400 млн пудов ежегодно»³. Иначе говоря, речь шла об открывающихся в этой связи перспективах ежегодных увеличений хлебозаготовок более чем в два раза.

Судя по всему, Сталин предполагал через год, на XVII съезде партии, более подробно отчитаться об итогах коллективизации и развитии сельского хозяйства в годы пятилетки, опираясь на конкретные данные за 1933 г. Съезд состоялся в январе – феврале 1934 г. Соответствующий раздел доклада генсека назывался «Подъем сельского хозяйства», однако в нем, по существу, речь шла о кризисе сельскохозяйственного производства, прежде всего животноводства и зерновой отрасли. Совершенно очевидно, что сценарий предстоящего раздела доклада был иным. Однако в первой половине 1933 г. на деревню обрушился невиданный еще в России голод, жертвами которого стали миллионы крестьян, совпавший по времени с завершением «в основном» сплошной коллективизации. Сталин к возникновению и углублению этой трагедии имел самое непосредственное отношение. Тем не менее на протяжении многих лет, вплоть до сентября 1940 г., отрицал сам факт наличия голода в стране, запрещая давать о нем какую-либо информацию в открытой печати. В такой ситуации приводить в докладе конкретные данные о несуществующих успехах сельского хозяйства в результате «победы колхозного строя» было бы не только неуместно, но даже опасно, имея в виду естественную реакцию населения.

Именно поэтому скорее всего генсек вынужден был дать в своем докладе более или менее приближенную к действительности оценку ситуации в сельском хозяйстве, объяснить, ссылаясь на объективные факторы, причины неудач и спадов, пообещать быстрый выход сельскохозяйственного производства из кризиса. В докладе на съезде Сталин впервые применительно к деревне и сельскому хозяйству ввел понятие «реорганизационный период», в связи с которым спад производства был неизбежен и как бы запланирован. Для его преодоления, подчеркнул он, потребуется «много времени», будут «большие издержки». Пришлось признать, что «период реорганизации был годами наиболее значительного уменьшения производства продукции зерновых культур», а животноводческая отрасль «крайне болезненно перенесла» этот период, что «падение скота еще продолжается» и что только в конце этого периода «можно ставить вопрос о поднятии урожайности как один из основных». Он подчеркнул также, что негативные явления начались с «первого года реорганизации», т. е. с объявленного им года «великого перелома», А «наибольших размеров упадок достиг» в 1933 г. И еще: «... что касает-

ся использования тракторов и машин, то неудовлетворительное состояние этого дела до того ясно и общеизвестно, что не нуждается в доказательствах». Это в адрес МТС, прокатных пунктов, новых совхозов. Правда, при этом он обнадежил и пообещал: «1934 г. может и должен стать годом перелома к подъему... По свиноводству уже начался обратный процесс».

Только в одном из «достижений» докладчик не сомневался, стоял, как говорится, насмерть: «Колхозы победили окончательно... Наше советское крестьянство окончательно и бесповоротно стало под красное знамя социализма»⁴. Было ясно, что обратной дороги на этом пути нет. Но все же несколько смягчил ситуацию: «Дальнейший процесс коллективизации» будет представлять «процесс постепенного всасывания и перевоспитания остатков крестьянских хозяйств колхозами». К «остаткам» вождь отнес более 9 млн единоличных хозяйств, на которые приходилось почти 40% всех хозяйств в деревне. Открытым, разумеется, оставался вопрос, захотят ли эти хозяйства, отнюдь не малочисленные, добровольно «всасываться» в колхозы, становиться под «красное знамя социализма».

Об окончательно завершении коллективизации и «гибели единоличного хозяйства», а также о разрешении зерновой проблемы Сталин объявил десять лет спустя, в марте 1939 г. в отчетном докладе на XVIII съезде партии. Однако и на это раз он был не вполне точен и конкретен, поскольку не решена была проблема коллективизации хуторских хозяйств, которых в стране насчитывалось (в границах до сентября 1939 г.) около 1 млн. Эта задача в основном была решена только к концу 1940 г. с помощью применения испытанных силовых методов.

В то же время была в целом решена зерновая проблема, однако «не легко и быстро», как утверждал Сталин в докладе на съезде⁵. Таким образом, на «окончательное решение» проблем, поставленных вождем в ноябре 1929 г. в связи с «великим переломом» в деревне, потребовалось почти десять лет. Почему так растянулся этот процесс? Как, какими методами и темпами он осуществлялся? Какие в этой связи можно выделить этапы? Как соотносились в ходе преобразований их позитивные и негативные стороны? Менялась ли в той или иной степени аграрная политика партии? Как реагировали власти на справедливые просьбы и требования крестьян, различные формы их сопротивления, в том числе и на открытую, вплоть до вооруженных выступлений? Каковы, наконец, общие итоги и результаты отдельных хронологических этапов сталинской «революции сверху»?

Поделюсь своими соображениями и размышлениями по некоторым из поставленных вопросов, опираясь на новые документальные источники и работы отечественных и зарубежных историков последних лет⁶.

* * *

В конце сентября 1930 г. после «головокружения от успехов» по указанию Сталина началось «новое наступление» на крестьянина-единоличника, подкрепленное решительными и бескомпромиссными силовыми действиями властей. О поддержке «снизу» всерьез уже мало кто вспоминал. По замыслу вождя в кратчайшие сроки на основе колхозного строя надо было создать в деревне прочную базу для развернувшейся индустриализации, решить (хотя бы в основном) зерновую и животноводческую проблемы, ликвидировать кулачество как класс — отчасти физически («если враг не сдается, его уничтожают»), а также путем «спецпереселения» кулаков вместе с семьями в необжитые районы Сибири, Дальнего Востока, Урала, Казахстана, Средней Азии.

Однако итоги выполнения первой пятилетки Сталину пришлось подводить дважды: сначала в январе 1933 г. (на пленуме ЦК) и в январе-феврале 1934 г. (на XVII съезде партии). В первом случае — под знаком «досрочного» выполнения плана (за «4 года и 3 месяца»), во втором — на основе реалистической оценки результатов. На этот раз ему надо было оправдываться и объяснять, почему не удалось добиться выполнения плана в области сельского хозяйства, избежать срывов и провалов в развитии аграрного сектора. Пришлось сослаться на «объективные» причины, ввести понятие «реорганизационный период», а также субъективные — коварство врага в лице кулака (тактика «тихой сапы»), происки оппозиции, вплоть до попыток заменить Сталина на посту генсека (группа Смирнова, Толмачева, Эйсмонта). «Сталин — не папа римский, — полагал Смирнов, — устранить его можно»⁷.

Каковы же реальные итоги пятилетки в области реорганизации сельского хозяйства? *Ни по одному показателю задания первой пятилетки не были выполнены*, причем разрыв был весьма значительным, особенно в животноводстве. Более того, почти по всем показателям (за исключением посевных площадей, производства хлопка и льноволокна) произошло значительное снижение производства по сравнению с 1928 г. Правда, был перевыполнен план (более чем в 3 раза!) обобществления крестьянских хозяйств. Но именно в результате этого «рекорда» сталинской «революции сверху» произошло катастрофическое падение производства, разорение и гибель миллионов крестьян. Только от голодомора в 1932–1933 гг. погибло мученической смертью не менее семи миллионов крестьян.

В то же время сталинскому руководству приходилось все же учитывать сложившуюся обстановку в деревне, настроение крестьян. Пора было подумать о том, чтобы на основе более гибкой и разумной политики восстановить хотя бы в минимальной степени доверие крестьян к колхозам и советской власти, ослабить репрессии.

Один из первых реальных шагов на этом пути — ликвидация в конце 1932 г. комиссии Андреева – Рудзутака по депортации кулачества, расширение прав прокуратуры по надзору за спецпереселенцами. Второй шаг в этом направлении – постановление Президиума ЦИК СССР от 27 марта 1933 г. «Об итогах применения Закона от 7 августа 1932 г.» Была критически переосмыслена судебная практика применения этого закона (детище Сталина!), ибо «не разграничены случаи хищения (воровство), в отношении которых должен применяться закон, от случаев мелких краж, в отношении которых должны применяться меры социальной защиты»⁸.

Первостепенное значение имела секретная директива (Инструкция) Сталина и Молотова от 8 мая 1933 г. «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения», направленная всем партийно-советским работникам, ОГПУ, органам суда и прокуратуры и оформленная вскоре как постановление ЦК. В этом документе давалась мотивированная установка на прекращение массовых репрессий в деревне. При этом авторы исходили из того, что «три года борьбы (имелись в виду 1930–1932 гг. — *И. З.*) привели к разгрому наших классовых врагов в деревне»; «создается новая благоприятная обстановка», дающая возможность «прекратить, как правило, применение массовых выселений и острых форм репрессий»; «наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников».

Вождя волновало главным образом (как и в апреле 1930 г.) то, что создается угроза ослабления авторитета советской власти в деревне: если так продолжать дальше, «можно свести к нулю влияние нашей партии в деревне». А основание было: «Арестовывают, — возмущался Сталин, — все, кому не лень... теряют чувство меры... действую по принципу: сначала арестовать, а потом разобраться». Были даны конкретные указания о прекращении массовых выселений крестьян, об упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения⁹. Перспектива новой крестьянской войны (как и весной 1930 г.) — одна из важнейших причин появления майской директивы 1933 г. Надо было, как рекомендовал в свое время Ленин, «уметь достигать соглашения с крестьянством». И в последующие годы, во всяком случае в 1934–1936 гг., пути этого компромисса расширялись и углублялись.

Разумеется, маховик массовых репрессий, запущенный на полную мощность в годы сплошной коллективизации, быстро остановить было невозможно, да и власти, судя по ряду документов, к этому не стремились. Так, в системе антикризисных мероприятий в сельском хозяйстве, разработанных в 1933 г., нашлось место чрезвычайным органам — по-

литотделам МТС и совхозов, решение о создании которых принял январский пленум 1933 г. Это были партийно-государственные органы, сочетающие функции партийно-политических и хозяйственных, а также карательных органов в лице заместителя начальника литотдела по ОГПУ.

Документы свидетельствуют, что Сталин несет личную ответственность за величайшее народное бедствие — голодный мор 1932–1933 гг. Более того, он был непосредственным организатором «рукотворного голода» — вероятно, первого столь масштабного и значительного за многовековую историю России. В свое время известный английский исследователь Р. Конквест, одним из первых в новейшей историографии поставивший и в той или иной мере обосновавший вопрос об ответственности Сталина за «террор голодом», «искусственно созданным властями», пришел к выводу, что «мы пока не можем подтвердить существование прямого указа, в котором Сталин распорядился о введении голода»¹⁰.

В настоящее время большинство историков, говоря об «организованном голоде» 1932–1933 гг., имеют в виду, что основными субъективными факторами этой трагедии российского крестьянства явилась антикрестьянская политика большевистской партии, прежде всего политика и практика хлебозаготовок, всецело исходившая из интересов форсированной модернизации (точнее, сталинской индустриализации), построения фундамента социалистической экономики. При такой постановке не просматривается чья-либо злая воля, все делалось как бы во имя индустриализации, на благо всего народа, особенно для укрепления обороноспособности страны. Ясность в эту проблему вносят документы 3-го тома сборника документов «Трагедия советской деревни»¹¹. В данном случае ограничусь перечислением основных событий («мероприятий»), подтверждающих этот вывод (в хронологической последовательности происходящего).

Прежде всего, это создание по инициативе Сталина и посылка (при его соответствующем инструктаже) в основные зерновые районы страны чрезвычайных комиссий по хлебозаготовкам (октябрь – декабрь 1932 г.), которые возглавляли Каганович, Молотов, Постышев, а в Казахстане, де-факто, Ф. Голошкеин как секретарь крайкома. Подкреплял деятельность комиссий Закон от 7 августа 1932 г. («о пяти колосках»), основным автором и редактором которого был Сталин. Далее, это выступление генсека на объединенном заседании высшей партийной элиты — Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) 27 ноября 1932 г. (теоретическое обоснование репрессий против всего крестьянства и программа действий — ответить сокрушительным ударом); постановление ЦИК и СНК СССР о паспортной системе 27 декабря 1932 г. (для «всех» граждан, за исключением крестьян, перемещения которых по стране должны были строго контролировать органы ОГПУ). Наконец, зловещая директива Сталина – Молотова

от 22 января 1933 г., написанная самим Сталиным и подписанная также Молотовым, предписывающая органам ОГПУ «арестовывать пробравшихся на Север крестьян» («за хлебом»), а «после того, как будут отобраны контрреволюционные элементы, водворять остальных на места их жительства». Так возникли «кордоны на дорогах» Украины и Северного Кавказа, «фильтрационные лагеря». Сталин в резкой форме упрекнул «партийные, советские и чекистский органы» за то, что они в 1931 г. «прозевали» применить эту меру, и потребовал в 1933 г. не допустить «повторения этой ошибки».

С публикацией директивы от 22 января 1933 г. круг замкнулся: основные (субъективные) предпосылки для общекрестьянской трагедии были созданы по инициативе и при личном участии Сталина. А фактически она уже началась.

Новые теоретические и политические подходы и оценки коллективизации и колхозного строительства были определены и обоснованы в резолюции XVII съезда ВКП(б) о плане второй пятилетки. Был взят курс на интенсификацию сельского хозяйства, организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов. И в этой связи изменено соотношение капитальных вложений в пользу предметов потребления (группы «Б») при некотором снижении вложений в средства производства (группы «А»).

«Сталинский неонэп», хронологически относящийся к 1934–1936 гг., — понятие в известной степени условное и по хронологии, и по содержанию. Его начальный рубеж просматривается уже весной 1933 г., когда появилась директива от 8 мая 1933 г. и начались «отбойные» акции сталинского руководства в связи с законом о «пяти колосках».

Перечислю (с некоторыми комментариями) в хронологической последовательности после майской директивы дальнейшие «неонэповские» акции. Их, по крупному счету, четыре: 1) совещание в Кремле 2 июля 1934 г. по вопросам коллективизации; 2) отмена карточной системы на хлеб и другие продукты («радикальная экономическая реформа» — по оценке Сталина, ноябрь 1934 г. с одновременной ликвидацией политотделов МТС); 3) II съезд колхозников-ударников, принятие нового Примерного устава сельскохозяйственной артели (февраль 1935); 4) Конституция СССР 1936 г.

Эти этапы, тесно связанные между собой, нередко закрепляли достижения предыдущего, создавали условия для реализации задач последующего. Так, отмена карточной системы не могла осуществиться, если бы политотделы активно не участвовали в решении проблемы хлебозаготовок и хлебозакупок. Именно благодаря им, как отмечалось на ноябрьском пленуме ЦК, хлебозаготовки впервые за годы коллективизации были выполнены не только по стране в целом, но и каждой областью, краем, рес-

публикой, по всем секторам в рекордные для страны сроки — к 1 ноября 1934 г., началу открытия пленума ЦК, на котором рассматривался вопрос об отмене карточной системы по хлебу. Сыграло свою роль и сокращение до минимума (по указанию Сталина) экспортных операций по зерну — с 5,2 млн тонн в 1932 г. до 1 млн тонн в 1934 г.

Конституция 1936 г. стала политическим подкреплением и дальнейшим развитием (прежде всего в идеологическом и пропагандистском плане) сталинских реформ.

В то же время «радикальная экономическая реформа» (отмена карточек), во всяком случае в первый год после ее принятия, не встретила поддержки со стороны крестьянства, поскольку заготовительные цены на зерно повысились незначительно (на 10%), а государственные цены на хлеб в магазинах выросли в несколько раз. Основные выгоды от реформы, полагали они, получили горожане, рабочий класс¹².

Сталин же исходил из того, что ситуация будет меняться постепенно, и когда заработает рынок, будут развиваться товарно-денежные отношения. Об этом он говорил в своем выступлении на ноябрьском пленуме ЦК, рассчитывая также на рост доходов крестьян от приусадебных хозяйств, развитию которых были сделаны значительные уступки (в том числе им лично) на II съезде колхозников. Таким образом, забота о колхозниках была им проявлена с расчетом на перспективу. В той или иной мере его прогнозы оправдались.

Сталин заступился за колхозников на совещании по коллективизации в связи с чисткой колхозов, которую проводили политотделы. Масштабы чистки, итоги которой за 1933 г. были подведены в опубликованном издании, удивили и возмутили даже Сталина, не отличавшегося, как известно, сентиментальностью. «Исключить из колхозов, — говорил он на июльском совещании, — это гораздо хуже, чем исключить из партии... у тебя отнимают источник существования, ты опозорен... обречен на голодное существование»¹³. И был прав.

Вскоре после совещания ЦК ВКП(б) принял два постановления — «Об извращениях политики партии в Ново-Бугском районе Одесской области» (12 июля) и «О Пензенской парторганизации» (13 августа), в которых осуждались факты «грубого нарушения революционной законности» в отношении колхозников и единоличников (исключение из колхозов честных колхозников, массовые репрессии против крестьян) на Украине и Средней Волге. Оба постановления были опубликованы¹⁴.

Это была критика в адрес политотделов, точнее, замначальников по ОГПУ. Были сделаны выводы по отношению к ОГПУ в целом. В связи с созданием по предложению Сталина в июле 1934 г. союзного НКВД, Политбюро приняло решение о реорганизации ОГПУ, включив его в состав НКВД СССР. Могушественное ведомство, обладавшее относительной

самостоятельностью, превратилось в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) при НКВД СССР¹⁵.

Из всех «неонэповских» сталинских реформ, пожалуй, наиболее эффективной и быстродействующей была реформа, касающаяся разработки и принятия на II съезде колхозников в феврале 1935 г. нового Примерного устава сельскохозяйственной артели, активное участие в котором приняли сами колхозники и лично Сталин. Речь шла о компромиссе власти с крестьянством, о том, чтобы довести до конца, юридического подкрепления наработки июльского совещания 1934 г. Правда, закон о «сверхналоге» на единоличника (постановление СНК и ЦИК СССР «Об установлении единого налога на единоличное крестьянское хозяйство») был принят вскоре после этого совещания (26 сентября 1934 г.). Генсек очень на него рассчитывал («надо усилить налоговый пресс»), ждать съезда было некогда.

Все основные вопросы, поставленные на июльском совещании, рассматривались на ноябрьском пленуме ЦК 1934 г. С докладом «По текущим вопросам» в этой связи выступил Жданов, стараясь увязать постановку этих вопросов с решениями пленума, в частности с реформой об отмене карточной системы, развитием товарооборота между городом и деревней и др. В центре внимания был вопрос о II съезде колхозников, принятии нового Примерного устава сельхозартели¹⁶.

Сталин, вошедший в состав комиссии по выработке нового Устава, решительно выступил против членов комиссии, представлявших, как и съезд в целом, колхозников-ударников, которые предлагали выделить на двор не более 0,25 га приусадебной земли или даже 0,10 – 0,20 га, резонно заметив: «Вы очень заботитесь о колхозном строе, колхозном хозяйстве. Но вы же меньшинство в колхозах. Большинство думает иначе, с этим надо считаться». Он предложил установить размеры земельных участков личных подсобных хозяйств (ЛПХ) колхозников от 0,25 до 0,5 га, а в отдельных районах — до 1 га в зависимости от местных условий. Численность же скота личного пользования порекомендовал увеличить до 2–3 коров, 2–3 свиноматок, от 20 до 25 голов овец и т. д. и подчеркнул, что «не должно быть ни одного двора, у которого нет приусадебной земли»¹⁷.

В то же время Сталин не согласился учесть в Уставе пожелания колхозников о том, что недопустимо для районных органов нарушать права колхозов и колхозников при проведении заготовок, предъявлять дополнительные задания («встречные планы») и др. Примерный устав закрепил «остаточный принцип» распределения колхозной продукции по трудодням (после выполнения обязательных поставок, натуроплаты МТС, создания фонда государственных закупок и т. д.). И тем не менее колхозники получили известную юридическую гарантию государства на ведение

ЛПХ, размеры которого четко определялись и закреплялись в Уставе. Им разрешалась свободная продажа своей продукции на рынке и т. д.

Таким образом, между государством, с одной стороны, и колхозниками, с другой, был достигнут компромисс, установлены и законодательно закреплены (17 февраля 1935 г. Примерный устав сельскохозяйственной артели был утвержден СНК СССР и ЦК ВКП(б)) определенные правила взаимоотношений на основе принципов своеобразного колхозного «неонэпа».

Проблему единоличника, как и в конце 1929 г., Сталин стал решать прежде всего силовым путем, правда, теперь опираясь главным образом на быстродействующие средства экономического воздействия («налоговый пресс»). Хозяйства единоличников быстро разорялись. Удельный вес их в производстве сельхозпродукции страны снизился с 19,1% в 1933 г. до 1,5% в 1937; в продукции животноводства — с 29,9 до 27%.

21 августа 1938 г. вторая сессия Верховного Совета СССР приняла закон «О государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств». Фактически речь шла о завершении процесса (начавшегося с середины 1930-х гг.) изъятия живой тягловой силы у крестьян. Был перекрыт последний канал ведения предпринимательского (рыночного) хозяйства в деревне¹⁸. «Столбовая дорога» к вступлению в колхоз крестьянина-единоличника была широко открыта. Другого пути у них просто не было. Только в западных и северо-западных районах страны сохранялись еще хуторские хозяйства и поселения.

Предложения участников совещания и II съезда колхозников получили окончательное законодательное оформление в постановлениях и решениях партийных и советских органов¹⁹, а затем и в Конституции СССР 1936 г. Тем самым законодательная база для «полной и окончательной победы колхозного строя» была создана. К сожалению, на безальтернативной основе. Точка зрения Сталина по этому вопросу была окончательной и дальнейшему обсуждению не подлежала.

Подкреплением и дальнейшим развитием колхозного строя явилась «сталинская конституция» 1936 г., которая после «всемирного обсуждения», растянувшегося на полгода, была утверждена VIII съездом Советов СССР 5 декабря. Бывшие кулаки, белогвардейцы, казачество, духовенство получили право избирать и быть избранными. А на высказанные опасения некоторых бдительных участников «всемирного обсуждения», что таким путем в органы власти могут пролезть антисоветские элементы, Сталин «изящно» парировал: «Волков бояться — в лес не ходить». Для него все эти «бывшие» остались потенциальными врагами, хотя и побежденными. Весьма кстати (и, конечно, не случайно) оказались высказывания вождя в защиту детей бывших кулаков в том смысле, что сын (дочь) за отца не отвечает, широко разрекламированные прессой²⁰.

Многие крестьяне, принимавшие участие в обсуждении Конституции, чутко улавливали антикрестьянскую направленность ряда ее статей, предоставление значительных преимуществ рабочему классу. Вносились предложения в той или иной мере восстановить справедливость, поскольку «колхозники тоже хотят нормированного рабочего дня и выходных дней, а также санаториев и домов отдыха, социального страхования». Предлагалось даже отказаться от диктатуры пролетариата, ибо она, как утверждал один из авторов, «выполнила свою миссию», а «диктатура и демократия несовместимы».

Опираясь на статьи-декларации Основного закона, крестьянство просило, предлагало, требовало расширить их права на деле, предоставить возможность свободного выбора формы хозяйствования, возратить отобранные или урезанные земельные наделы и имущество, санкционировать восстановление разрушенных храмов и открытие сохранившихся. Все такого рода письма, поступавшие в прессу, пересылались редакциями в государственно-партийные органы под грифом «враждебные отклики и предложения». Как всегда, крестьяне не были услышаны: власти не могли отказаться от фундаментальных принципов (в сталинской интерпретации) «построенного в боях социализма»²¹.

Конституция 1936 г. — с ее амбициозными претензиями на «самую демократическую в мире» — завершала «сталинский неонэп». Социально-политическая и аграрная политика партии, Советского государства в 1934 – 1936 гг. при всей ее противоречивости, непоследовательности, со всеми откатами назад все же, особенно по сравнению с предшествующим этапом (1930 – 1933), сделала заметные шаги вперед по преодолению катастрофических последствий голодомора 1932–1933 гг., кризисной ситуации в деревне в сторону роста сельскохозяйственного производства, развития социальной сферы. И, пожалуй, самое главное: произошло известное успокоение деревни на основе компромисса правящей партии с крестьянством. Все сказанное свидетельствует об успехах новой (или обновленной старой) аграрной политики Сталина в эти годы, вписывается, если пользоваться термином Троцкого, в понятие «неонэпа», «колхозного нэпа», точнее, второго (сталинского) этапа его осуществления, о котором говорили некоторые партийные функционеры на партийных форумах 1932–1933 гг., а позже сам Сталин на январском пленуме ЦК 1933 г., XVII партсъезде, особенно в речи на ноябрьском пленуме 1934 г.²²

После упразднения в ноябре 1934 г. чрезвычайных органов партии либеральные процессы стали нарастать. В июне 1935 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке производства арестов». В нем («во изменение директивы от 8 мая» говорилось, что аресты по всем без исключения делам органы НКВД могут производить «лишь с

согласия соответствующего прокурора». Еще раньше, 10 июля 1934 г., как уже отмечалось, ОГПУ было включено в состав НКВД СССР, превратившись в Главное управление государственной безопасности. Сокращаются масштабы спецпереселения в лагеря ГУЛАГа. К концу 1936 г. число прибывших из других республик, краев и областей сокращается с 268,1 тыс. в 1933 г. до 10,8 тыс.²³ Однако выселение «кулаков», в том числе массовое, продолжалось. Правда, улучшились условия содержания обитателей лагерей, организация их труда, инфраструктура поселений.

После 1934 г. показатели производства валовой и товарной продукции сельского хозяйства (в натуральном и стоимостном исчислении) проявляют устойчивую тенденцию роста, включая 1936-й год, когда в ряде районов был недород. Однако массового голода удалось избежать. Были созданы накопительные фонды для отмены карточной системы на хлеб и другие продукты. Правда, сохраняется еще отставание в животноводстве. Урожайность зерновых культур оставалась на уровне довоенных лет, но за счет более высокого уровня товарности, включая закупки, которые стали осуществляться на добровольных началах при поощрении колхозников более высокими ценами и дефицитными промтоварами. Быстро развивались личные подсобные хозяйства колхозников, которые неизменно выигрывали соревнования с общественным хозяйством колхозов как по объему производства (особенно животноводческой продукции), так и по качественным показателям.

По данным официальной статистики денежные доходы на один колхоз за период с 1932 по 1937 г. выросли с 21,7 тыс. до 58,8 тыс. руб., т. е. более чем в 2 раза, а на один колхозный двор — с 311 до 786 руб., т. е. в 2,5 раза. В среднем на один трудодень колхозник в СССР получал в 1937 г. 4 кг зерна против 2,3 кг в 1932 г., а трудодней было выработано на один колхозный двор соответственно 438 (1937) и 257 (1932)²⁴. Рост, конечно, был, но в определенных пределах (с учетом того, что в конце 1932 г. начался голод). Из этого, видимо, исходил и Сталин, выдвигая свой лозунг о «зажиточности» в феврале 1933 г. на Первом съезде колхозников.

Крестьян в случае недорода и других невзгод выручало ЛПХ, которое, как предусматривал Устав 1935 г., гарантировало ежегодное снабжение продуктами питания всех членов семьи, а оставшуюся продукцию можно было свободно продавать на рынке.

Таким образом, первые результаты колхозного «неонэпа» были налицо. И для крестьян, и для горожан. Более того, в 1936 г. удалось отвести угрозу массового голода благодаря быстрой и значительной помощи, оказанной государством. Была, как заявил Сталин в докладе на XVIII съезде партии, «решена зерновая проблема».

Документы свидетельствуют, что 1934–1936 гг. были наиболее благоприятным для деревни и крестьян-колхозников этапом коллективизации (сталинский «неонэп»). Это верно и применительно к экономическому и политическому развитию страны в целом. «Относительно сбалансированная экономическая политика, — считает О.В. Хлевнюк, — способствовала достижению значительных результатов. В экономическом отношении 1935–1936 гг. были одним из самых успешных периодов довоенных пятилеток»²⁵.

Однако в последующие годы, начиная с 1937-го, ситуация в стране, в первую очередь в деревне, начинает резко меняться. На основе сталинской директивы «Об антисоветских элементах» (2 июля 1937) в ведомстве Ежова, сменившего в конце сентября 1936 г. Ягоду на посту наркома внутренних дел СССР, был разработан оперативный приказ № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов», который 31 июля 1937 г. был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б). Основной удар наносился по деревне, «беглым кулакам». В констатирующей части приказа утверждалось, что материалами следствия установлено, что в деревне осело значительное число кулаков, бежавших из лагерей, репрессированных церковников и сектантов, других участников антисоветских выступлений. Перед органами госбезопасности выдвигалась задача «разгромить всю эту банду антисоветских элементов», навсегда покончить с их «подлой подрывной работой». Завершить эту операцию планировалось за 4 месяца, фактически же она растянулась более чем на год. Меры наказания — расстрел, заключение в тюрьмы и лагеря сроком от 8 до 10 лет, почти как в законе «о пяти колосках». А суд вершили специально назначенные чекистские «тройки». Общее число жертв «большого террора» к 1 ноября 1938 г. составило более 1,5 млн человек, из которых было расстреляно 668,3 тыс.²⁶

Все эти предписания невозможно было увязать с Конституцией, постановлениями 1934 – 1936 гг., направленными на расширение демократических основ советского общества. Сталинский «неонэп» трещал по всем швам. Принятые в апреле 1938 г. «отбойные» постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О запрещении исключения колхозников из колхозов» и «О неправильном распределении доходов в колхозах», осуждавшие «перегибы и извращения», допускавшие правлениями колхозов, не могли изменить ситуацию, поскольку основной вектор аграрной политики снова был направлен на «закручивание гаек», на репрессии вплоть до арестов, расстрелов, массового направления крестьян в ГУЛАГ.

Реальные шаги по ослаблению репрессий Сталин предпринял в середине 1938 г., попытавшись сделать «козлом отпущения» Ежова, отстранив его от поста руководителя НКВД. Сначала эту крайне непопулярную среди населения должность он предложил занять выдающемуся летчику

В.П. Чкалову, а затем после его решительного отказа остановился на кандидатуре Л.П. Берия, который в ноябре 1938 г. был утвержден наркомом внутренних дел СССР. Ежов в феврале 1940 г. был расстрелян²⁷.

В марте 1939 г. в докладе на XVIII съезде партии Сталин все же решил подвести некоторые итоги «большого террора», определиться на будущее. В первую очередь надо было оправдать массовые репрессии, подчеркнуть их «позитивное» значение. «Некоторые деятели зарубежной прессы, — возмущался генсек, — болтают, что очищение советских организаций от шпионов, убийц и вредителей ... “поколебало” будто бы советский строй, внесло “раздражение” ... Не вернее ли будет сказать, что очищение советских организаций от шпионов, убийц, вредителей должно было привести и действительно привело к дальнейшему укреплению этих организаций?». Однако пришлось признать, что чистка не обошлась без серьезных ошибок: «К сожалению, ошибок оказалось больше, чем можно было предположить». Тем не менее «чистка 1933 – 1936 гг. была все же неизбежна, и она в основном дала положительные результаты». И пообещал: «Несомненно, что нам не придется больше пользоваться методом массовой чистки»²⁸.

В данном случае Сталин акцентировал внимание на чистке «советских организаций» и партии. Но есть основание распространить ее на все советское общество, подчеркнув, что основными жертвами стали крестьяне, что отмечалось и в приказе № 00447. Говоря о массовой партийной чистке, Сталин имел в виду 1934 – 1936 гг., увязывая эти события с убийством Кирова. Однако он даже не упомянул о 1937-м г., несомненно не случайно, преследуя определенные цели.

Тем не менее генсеком на всю страну было заявлено о прекращении массовых чисток. И отнюдь не из тактических соображений. Это, на мой взгляд, была новая ориентировка, новая стратегия в условиях начавшейся, по определению Сталина, «новой империалистической войны», в которую мог быть втянут СССР²⁹.

В связи с изменившейся внешнеполитической обстановкой генсек, видимо, пришел к выводу о необходимости несколько притормозить «неоэнзовские» реформы, развитие товарно-денежных отношений, особенно в деревне. Возникли сомнения, не слишком ли большие уступки были сделаны колхозникам (например, по линии приусадебных хозяйств). «Пробный шар» в этой связи сначала запустил Андреев в выступлении на XVIII съезде. «Теперь, — подчеркнул он, — когда колхозы уже окрепли, надо ударение сделать на укреплении и расширении общественного хозяйства», осудил «неправильный подход и практику некоторых руководителей», при которой «личное хозяйство колхозника стало перерастать общественное хозяйство и превращаться в основное». По существу, речь

шла о значительном сокращении земельных размеров приусадебных хозяйств и поголовья скота, установленных Уставом 1935 г.³⁰

К этой проблеме вернулись два месяца спустя на майском пленуме ЦК 1939 г. Вопрос был сформулирован так: «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Ключевое значение имела речь Сталина. Колхозников, вырабатывающих мало трудодней, он назвал «настоящими дармоедами», «тунеядцами», «мнимыми колхозниками», которых «надо встряхнуть» — направить в промышленность или в другие области, где много земель (в Сибирь, на Дальний Восток, в Казахстан). «Нужно освободить колхозы от излишков рабочей силы». И посетовал на то, что мы ликвидировали «на свою голову безработицу, а теперь неоткуда рабочих достать». «Надо взять в свои руки распоряжение рабочей силой».³¹ Называя часть колхозников «дармоедами», «тунеядцами», «мнимыми колхозниками», вождь игнорировал то обстоятельство, что среди них было немало людей преклонного возраста, больных, нетрудоспособных, ухаживающих за малолетними детьми, подростками.

На основе выступления Сталина было подготовлено совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания», принятое на заключительном заседании пленума. Вопрос о III съезде колхозников, о необходимости созыва которого говорил Сталин в своей речи (чтобы внести изменения в Устав), отпал, в этом не было уже необходимости, поскольку было принято партийно-государственное решение. Генсек, видимо, уже не нуждался в широкой поддержке колхозников: Конституция была принята, выборы высших органов власти состоялись с высоким процентом явки избирателей на избирательные участки и столь же высоким процентом проголосовавших (при тайном голосовании) за выдвинутых кандидатов.

Сталин, как уже отмечалось, использовал эти высокие показатели в полемике с западными оппонентами по вопросам массовых репрессий. Продолжу цитирование: «В 1937 г. приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6 процента всех участников голосования. В начале 1938 г. были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные советы союзных республик. Выборы дали Советской власти 99,4 процентов всех участников голосования». «Спрашивается, — задал он риторический вопрос, — где же тут признаки “разложения” и почему это “разложение” не сказалось на результатах выборов?».³²

Колхозники вынуждены были согласиться и с изъятием 1189,1 тыс. гектаров «излишков» приусадебных земель, и с переселением, далеко не всегда по доброй воле, на Восток, в «многоземельные районы». Многим

из них вскоре пришлось возвращаться на прежние места проживания уже без имущества и скота. Таких насчитывалось более 6 тыс. семейств.

Значительное сокращение приусадебных земель колхозников на основе постановления пленума 1939 г. можно оценить как новое наступление сталинского руководства на индивидуальное землепользование колхозников, а также на хозяйство хуторян. О «неонэпе», «радикальной экономической реформе» старались не вспоминать. Больше волновала военная угроза, приближающаяся война, чему посвятил целый раздел своего доклада на XVIII съезде партии Сталин.

Были подведены итоги второй пятилетки в области сельского хозяйства. Повезло в конце ее с погодой: 1937-й год был на редкость урожайным, пожалуй, самым благополучным за все годы коллективизации. «Большой террор», конечно, сказался, но кульминация его применительно к деревне началась в конце лета, когда урожай был уже выращен и частично убран. В резолюции XVIII съезда партии о плане новой пятилетки отмечалось, что задачи второй пятилетки в области сельского хозяйства успешно выполнены, в том числе труднейшая и решающая — «завершена коллективизация сельского хозяйства»; «колхозный строй окончательно окреп»; «завершена техническая реконструкция народного хозяйства». И в этой связи выдвинута новая грандиозная задача — «завершить в третьей пятилетке комплексную механизацию сельскохозяйственных работ».

Однако не обошлось без натяжек и «забеганий вперед». Механизация в это время затронула только наиболее трудоемкие процессы земледелия. О механизации в животноводстве вопрос даже не ставился. О «лампочке Ильича» большинство колхозников только мечтало: в 1937 г. было электрифицировано (освещение домов) всего 33% колхозов.

О завершении технической реконструкции сельского хозяйства говорить еще было рано. В колхозах, обслуживаемых МТС, широко применялись машины конной тяги и даже ручной труд. По данным на 1940 г. конными плугами в стране было вспахано 38% земель под яровые культуры; засеяно конными сеялками 36% яровых культур; конными жатками убрано 34%. Иначе говоря, примерно треть земледельческих работ выполняли лошади. Более того, косами и серпами было скошено и сжато 20% зерновых культур³³.

МТС испытывали большую потребность в жатках, сенокосилках и сеноуборочных машинах конной тяги. В принятом июльским пленумом ЦК ВКП(б) совместном с СНК СССР постановлении 1940 г. «Об уборке и заготовках сельхозпродуктов» записано: «Использовать на уборке урожая 1940 г. все простые (т. е. конной тяги. — И. З.) машины и орудия, имеющиеся в колхозах, МТС и совхозах»; «ликвидировать грубейшую ошибку, заключающуюся в том, что в парке МТС отсутствуют жатки-

лобогрейки, жатки-самоскидки и другие простые сельскохозяйственные машины»; «все вновь выпускаемые из производства жатки-лобогрейки, жатки-самоскидки и сноповязки передавать исключительно МТС для пополнения парка уборочных машин»³⁴.

Таким образом, комплексную механизацию на третьем году пятилетки решили отложить, и надолго. Вывод Ю.А. Мошкова о том, что к концу 30-х гг. машинами МТС удалось не столько увеличить, сколько возместить огромную потерю лошадей и волов в годы массовой коллективизации³⁵, можно не только подтвердить, но и уточнить, исходя из того, что трактора и другие машины МТС не смогли возместить потерю живой тяговой силы даже к началу 40-х гг.

Следует заметить попутно, что трудоемкие ручные работы приходилось выполнять даже прославленным стахановцам, боровшимся за рекордные урожаи зерновых, сахарной свеклы, хлопка и других культур. Успехи были немалые: ефремовские звенья в Сибири получали до 60 ц пшеницы с гектара; звено М.Демченко на Украине превысило мировой рекорд урожайности сахарной свеклы (более 500 ц с га); звенья высокой урожайности хлопка в Узбекистане собирали до 50 ц этой культуры с гектара. Однако их ценный опыт не смог получить распространения на больших площадях, поскольку в основе достижений лежали тяжелый ручной труд и большие материальные затраты. Это были эксперименты на уровне «хат-лабораторий», нацеленные на последующие поколения земледельцев.

Анализ статистических показателей по сельскому хозяйству (динамические ряды и среднегодовые расчеты за годы довоенных пятилеток) свидетельствует, что в 1938 – 1940 гг. происходила стабилизация сельскохозяйственного производства на основе роста валовой и товарной продукции (в границах СССР до 17 сентября 1939 г.), особенно последней. Среднегодовые показатели валовой продукции за 1938 – 1940 гг. по сравнению с 1909 – 1913 гг. выросли на 43%, в том числе земледелия – на 56%, животноводства – на 22%; товарной продукции — соответственно на 60, 111 и 29%. Однако следует учитывать, что в 1913 г. в России проживало (в границах до сентября 1939 г.) 139,9 млн человек, а в СССР в 1939 г. — 170,6 млн³⁶. Иначе говоря, в СССР было на 31,3 млн едоков больше. Это сказалось и на данных о производстве продукции на душу населения.

В годы довоенных пятилеток делались попытки, и это естественно, решить проблемы производства сельскохозяйственной продукции путем значительного расширения посевных площадей. В основном эти попытки не увенчались успехом: показатели валовых сборов и урожайности или остались на уровне 1909 – 1913 гг. (по зерну) или даже снизились (по сахарной свекле, льну, подсолнечнику, картофелю). А ведь это был уро-

вень дореволюционной России — отсталой страны, не отличавшейся высокими показателями земледелия даже в урожайные годы. Не повысился этот уровень в СССР и в годы коллективизации. Время применения интенсивных технологий еще не наступило: к этому, в целом, не была готова ни материально-техническая база сельского хозяйства страны, ни советская агрономическая наука. Здесь сказались и сталинские репрессии, жертвами которых стали многие выдающиеся ученые-аграрники дореволюционной России, а их нишу заняли сталинский выдвиженец Лысенко и ему подобные.

Наиболее тяжело перенесло «реорганизационный период» животноводство, что признал и сам Сталин. Спад начался с года «великого перелома» (1929) и продолжался вплоть до 1933 г. включительно, когда поголовье лошадей по сравнению с 1916 г. сократилось более чем в 2 раза, крупного рогатого скота — почти в 2 раза, коз — почти в 3 раза и т. д. Только с конца 1935 г. начался постепенный рост поголовья основных видов скота.

К началу 1940-х гг. уровень дореволюционной России по производству зерна на душу населения так и не был достигнут, хотя определенный прогресс был и появилась известная устойчивость. Примерно так же обстояло дело в производстве на душу населения мясной и молочной продукции. Наибольшие достижения наблюдались в производстве картофеля и овощей благодаря достижениям тружеников приусадебных хозяйств.

В то же время Сталину, с опорой на колхозно-совхозное производство, в той или иной мере удалось решить зерновую проблему. В основе решения была высокая товарность крупного производства (колхозно-совхозного), причем не та, которая достигалась искусственно, путем выгребания из колхозных и крестьянских амбаров в счет хлебозаготовок и натурплаты МТС всего зерна («первая заповедь»). После отмены карточной системы стали широко использоваться новые (рыночные) формы заготовок — закупки зерна государством у колхозов и колхозников по повышенным ценам, поощрения закупщиков путем отпуска им по льготным ценам дефицитных промтоваров (включая строительные материалы, велосипеды, часы, музыкальные инструменты и т. д.); децентрализованные заготовки с участием кооперативных организаций и отдельных колхозов; разрешение и поощрение рыночной торговли хлебом и другой продукцией как в городе, так и в сельской местности. Постепенно повышались хлебозаготовительные цены, снижались нормы оплаты МТС.

Анализ хлебофуражных балансов показывает, что во второй половине 1930-х гг. были созданы и значительно пополнились государственные зерновые фонды (резервные, страховые, семенные, фуражные), больше стало поступать зерна в заготовительные и закупочные фонды, был даже создан небольшой импортный фонд. С середины 30-х гг. прекратились

или были сведены к минимуму экспортные зерновые операции государства. Все это имело большое значение для решения проблемы голода, а если он возникал (как в 1936 г. или, в гораздо меньшей степени, в 1938 г.) своевременно оказывалась продовольственная и семенная помощь, и голода удавалось избежать, во всяком случае массового.

Решение зерновой проблемы Сталин связывал прежде всего с «достаточным снабжением громадной страны товарным зерном». И был прав, подчеркивая, что «высокая товарность колхозно-совхозного производства является важнейшей особенностью, имеющей серьезное значение для снабжения страны»³⁷.

В годы Великой Отечественной войны на основе колхозно-совхозного производства решалась и в целом была решена проблема бесперебойного снабжения армии и населения СССР хлебом и другими продуктами питания, сельскохозяйственным сырьем.

* * *

Подводя общие итоги своего доклада на XVIII съезде партии, Сталин подчеркнул «прочность советского строя», определив источники этой прочности. И пояснил, что «в случае войны тыл и фронт нашей армии в виду их однородности и внутреннего единства будут крепче, чем в любой другой стране, о чем следовало бы помнить зарубежным любителям военных столкновений»³⁸. Применительно к деревне и крестьянству он, видимо, прежде всего исходил из того, что им было сказано в разделе о сельском хозяйстве: решена задача полной и окончательной его коллективизации (остатки хуторских хозяйств и поселений в результате принятых им в 1939 – 1940 гг. жестоких мер доживали последние месяцы); сельскохозяйственное производство стабилизировалось, преобладала тенденция его устойчивого роста; успешно решались социально-экономические и политические проблемы деревни; была в целом решена зерновая проблема, государство в состоянии было оказывать (и оказывало) реальную помощь крестьянству, всему населению страны в случае недорода, других непредвиденных событий; проводилась в жизнь Конституция 1936 г., основанная на принципах социалистической (советской) демократии; «большой террор» постепенно ослабевал, основные противники вождя («оппозиционеры всех мастей», остатки «врагов народа») были уничтожены или ждали своего часа в ссылках и тюрьмах, в застенках Лубянки. Большинство крестьян, в том числе бывшие кулаки, представители духовенства и казачества, были реабилитированы, получили право избирать и быть избранными в центральные и местные органы власти; некоторым было разрешено покинуть ссылку, возвратиться на места прежнего проживания.

Все это так, и Сталин имел основания опереться на названные факторы в своих рассуждениях и прогнозах о прочности и единстве советского тыла и фронта «в случае войны в виду их однородности и внутреннего единства». Великая Отечественная война в той или иной мере это подтвердила. Но это далеко не вся правда, точнее, полуправда или даже часть правды, если исходить из общечеловеческих ценностей, а не пресловутого «классового подхода». Это была сталинская правда, как «сталинская коллективизация», «сталинский неонэп», «сталинская конституция». И сразу же возникают вопросы: Какую цену заплатило крестьянство за эти сталинские эксперименты? Насколько они были оправданны? Сколько крестьянских (и не только) жертв было положено на алтарь социалистического отечества в годы коллективизации?

Точка зрения автора на эти и многие другие непростые и неоднозначно решаемые проблемы отражена в данной статье и подкреплена новейшими документальными публикациями.

¹ См.: История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 291 – 292; *Трапезников С.П.* Исторический опыт КПСС по социалистическому преобразованию сельского хозяйства // Вопросы истории КПСС. 1967. №11.

² *Сталин И.В.* Соч. Т.12. С.130 – 132.

³ Там же. Т.13. С.190 – 193.

⁴ Там же. С.317 – 325, 328.

⁵ *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1947. С. 580 – 583.

⁶ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы (далее — ТСД): В 5 т., 1927 – 1939. М., 1999 – 2004; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: В 4 т., 1930 – 1934. М., 2003 – 2004.

⁷ ТСД. Т. 3. С. 37; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 514. Л. 41–44.

⁸ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 246. Л. 1–2.

⁹ ТСД. Т. 3. Док. № 333; Т. 2. Док. № 142.

¹⁰ См.: *Конквест Р.* Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1988. С. 476; *Он же.* Жатва скорби (на укр. языке). Киев, 1991. С. 570 – 583.

¹¹ ТСД. Т.3. Док. № 258 – 293. См. об этом также: *Зеленин И.Е.* Был ли голод 1932 – 1933 гг. «организованным» («рукотворным»)?; Трагедия советской деревни. Т. 3 // Уч. записки Донского юридического института. Т. 18. Ростов-н/Д, 2002. С. 294 – 316.

¹² См. ТСД. Т. 4. Док № 125.

¹³ Материалы о работе политотделов МТС за 1933 г. М., 1934; ТСД. Т. 4. Док. № 66.

¹⁴ Справочник партийного работника. Вып. 9. М., 1935. С.123 – 124, 255.

-
- ¹⁵ См. ТСД. Т. 4. Прим. 95 (С. 929 – 930).
- ¹⁶ Там же. Док. № 119.
- ¹⁷ Там же. Док. № 146.
- ¹⁸ См. Вторая сессия Верховного Совета СССР 10 – 12 августа 1938 г.: Стеногр. отчет. М., 1938. С. 802; Правда. 1938. 24 августа.
- ¹⁹ См.: Коллективизация сельского хозяйства: Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства, 1927 – 1935. М., 1957. С. 517 – 519; 520 – 524; 524 – 530; 531 – 539.
- ²⁰ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 531 – 532; Правда. 1935. 12 дек.
- ²¹ См.: ТСД. Т. 4. Док. №335; Общество и власть в 1930-е гг. М., 1998; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 49 – 50, 74, 82 – 83.
- ²² XVII партконференция ВКП(б): Стенограф. отчет. М., 1932. С. 193; ТСД. Т. 3. Док. № 177; Т. 4. Док. № 117; Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 202 – 204.
- ²³ Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1, 1900 – 1939. М., 2000. С. 279 – 280.
- ²⁴ Социалистическое сельское хозяйство: Стат. сб. М., 1939. С. 45 – 46; Колхозы во второй сталинской пятилетке: Стат. сб. М.; Л., 1939. С. 36, 100.
- ²⁵ Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996. С. 156; См. также: Соломон Н.П. Советская юстиция при Сталине. М., 1996. С. 179 – 182.
- ²⁶ АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 32, 59, 60, 78; Куда идет Россия?: Формальные институты и реальные практики. М., 2002. С. 323.
- ²⁷ См.: Зеленин И.В. Кульминация «большого террора» в деревне: Зигзаги аграрной политики (1937 – 1938) // Отечественная история. 2004. № 1.
- ²⁸ Сталин И.В. Указ. соч. С. 590 – 591, 594.
- ²⁹ Там же. С. 569 – 572.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 4. Л. 114 – 115.
- ³¹ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1123. Л. 1 – 30.
- ³² Сталин И.В. Указ. соч. С. 590 – 591.
- ³³ Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1960. С. 420.
- ³⁴ КПСС в резолюциях ... Т. 5. 8-е изд. С. 435 – 436.
- ³⁵ ТСД. Т. 4. С. 28 – 29.
- ³⁶ Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. С. 12.
- ³⁷ Сталин И.В. Указ. соч. С. 583.
- ³⁸ Там же. С. 590.